Инквизитор

Автор:

Андрей Фёдоров

Инквизитор

Андрей Владимирович Фёдоров

Он – инквизитор, служитель древнего ордена, главная цель которого истребить всех магов и не дать распространиться ереси безумия по материку. Он готов выполнять свой долг всегда и везде, и только смерть может остановить его. Он бесстрашен и хладнокровен, рассудителен и справедлив. Ему, кажется, якобы ничто не пошатнёт его веру и решимость в борьбе с ересью. Но всего единственная встреча с одним из заклятых врагов церкви изменит его жизнь навсегда... Содержит нецензурную брань.

Статья 1 Кодекса инквизиторов.

Борись с ересью! Борись до последнего! Даже когда не осталось сил, когда истёк кровью, сражайся до конца. Не посрами орден Пресвященной Инквизиции! Не дай злу распространиться в этом мире, не то вся тысячелетняя борьба твоих братьев по оружию будет бессмысленной!

Если говорить честно, то городок Ёльм на севере Тирийского герцогства летом был на самом деле местом просто чудесным. Каждый год в середине июля со всей округи сюда приезжали крестьяне, купцы и ремесленники, устраивая столь пышную ярмарку, что посетить её приезжал народ даже из других областей, настолько хорошо тут организовывали всё местные бургомистры уже не первый год. Плюс к этому нельзя забывать, что герцог Тирийский Ванд Русс правильно поступил, когда в союзе с Дрёкенбергским королевством выступил против иноверцев из варварской Хаяффской державы и разгромил их бесчисленные

орды в битве на Золотых холмах, отстояв, таким образом, независимость своей вотчины и защитив север от врага. Юг, конечно, защитить не удалось, и он был хаяфритами разорён. Но там земли и так были небогатые, а беженцев вовремя переселили на север, потому не беда. А что до Ёльма, то слава всем святым, досюда война не дошла. И вообще, страшно даже подумать, что произошло бы, если этот городок, где пересекались два важных торговых пути, будет разорён варварами. Наверняка жизнь бы не вернулась на эти чудные земли ещё десятки, если не сотни лет...

Конкретно же инквизитору, приближавшемуся к городку со стороны восточных ворот, не повезло, во-первых, приехать в Ёльм ранней весной аккурат с отступлением зимы. Вот и картина ожидала неприятная, впрочем, как и везде в весеннее время. Везде на прилегающих к Ёльму дорогах грязь, голые деревья без листвы и прочие неприятные глазу вещи, не считая пасмурной погоды, добавлявшей окружающей среде угнетающей серости и невзрачности. Во-вторых, прошедшей зимой нескольким округам довелось пережить локальное поветрие. Конечно, не такое страшное, как триста лет назад, когда весь юго-запад материка почти что целиком вымер (умирали девять из десяти людей) от недугов, но, тем не менее, каждая вторая семья кого-нибудь из родственников, да и похоронила. Самое интересное, что конкретно в Ёльме удалось избежать больших жертв, хотя во многих других местах гибло до четверти населения. Пытались это объяснить карантинном, который ввёл бургомистр Калавий, но почему-то те же меры другим городам не помогли. Видимо, боги помогли. А, может быть, и нет. В любом случае и дураку понятно, что город, пусть даже легко отделался, но после эпидемии и должен будет выглядеть неприветливо.

В-третьих, не повезло быть инквизитору тем, кем он является, и это была, пожалуй, главная причина, почему, когда он появился рядом с Ёльмом, на него сразу же покосились тяжёлые, а порою даже грозные взгляды местных жителей и смердов с близлежащих сёл. Последние десять лет Церковь Трёх Богов только и делала, что плевала на свою паству, потому у той и отношение к её представителям было соответствующее.

Для начала уже семнадцать лет престол Отца-понтифика не может остановить продолжающуюся грызню на северо-западе материка между Тринитонским союзом и Греттской унией: семь королевств и две империи до сих пор не могут разобраться, кто должен наследовать трон Растворского королевства. Уния считает, что править должен император Святой Бреветской империи Рёмм IX, потому что женат на единственной дочери скончавшегося короля Раствора

Ренека II. Представители же Тринитонского союза же небезосновательно боятся, что бреветцы, заполучив под свой контроль Раствор, посягнут и на другие центрально-западные королевства, расширяя империю путём династических браков и войн, а потому посадили на престол бастарда умершего короля Вилланда. Тот в соответствии со своим статусом не имел права даже заикаться о власти, поэтому император Рёмм пожаловался понтифику на вопиющее нарушение законов богов. Раньше за такие кощунства по отношению к традициям престолонаследия, как воцарение бастарда, церковь могла и Праведный Путь Молота объявить провинившимся, но вместо этого понтифик тактично провозгласил нейтралитет, возмущаясь войной братьев по вере и призывая к миру. Ходят слухи, что не последнюю роль в этом сыграли большие деньги Тринитонского союза, обладавшего самым большим торговым флотом на материке. Другие твердят, что власть Понтифика за последние годы пошатнулась, и на призыв к Праведному Пути Молота почти никто не отзовется, кроме нищих смердов и религиозных фанатиков, которым в рот ни клади, лишь дай умереть за веру, только вот вояки из них никудашные. Потому сил надавить у церкви не было. Только её легионы, которых явно не хватило бы, чтобы усмирить союз семи королевств. На союз с Греттской унией тоже рассчитывать не следовало: казна обеих империй была пуста.

Потом ещё последние бедствия, такие как голод и поветрия, сильно отразились на отношении простого люда к церкви. Та в тяжёлые времена, как они считают, не особо помогала пастве, а потому народ якобы имеет полное моральное право Отцу-понтифику не подчиняться. Подобное еретическое инакомыслие, конечно, старались пресекать, отправляя в земли, где появлялись иноки больше проповедников слова богов на пару с инквизиторами, но не всегда получается переубедить миром, а потому распространение ереси приводит к восстаниям, которые нужно подавлять или королям, или уже самой церкви, если дело станет совсем худо. Но до участия церкви старались вообще ничего не доводить.

Реммет проехал через ворота и оказался внутри, собственно, Ёльма. Там сразу же приметил несколько мужиков, на вид типичных смердов из самой обычной сельской местности, наблюдавших за инквизитором, приехавшим в город. Они не скрывали своего недовольства, но говорили тихо, дабы не обрушить на себя гнев церкви с инквизицией.

– Смотри-ка, кто пожаловал к нам!

– Петух ощипанный...

– Какого чёрта он здесь забыл?!

– Ищет Йоффу, как пить дать.

– Так беги и предупреди его!

Один из них тут же рванул в сторону рынка. Инквизитор краем глаза заметил это, но сделал вид, что не обратил внимания. Только поправил шляпу, снял свой чёрный военный плащ, скрывавший плотный кожаный колет цвета охры, на котором спереди и сзади был вышит чёрными нитками церковный молот. На ногах штаны цветом чуть темнее колета и высокие ботфорты. На поясе четыре пистолета, дага и обоюдоострый горский палаш – универсальное и лёгкое оружие, которым было легко и фехтовать с обладателями шпаг, рапир, и отрубать головы, если предстоит казнить мага или еретика. Приехал он на молодом, сером, юрком скакуне, у которого по правую сторону от седла висела фузeya в чехле, а по левую небольшая сумка, в которой лежала плеть для самобичевания.

На вид инквизитору было лет двадцать, может быть, двадцать пять. Обычно в таком возрасте заканчивали обучение и приступали непосредственно к работе. По этому конкретно было видно, что парень за спинами не прятался: по его шрамам на лице уже даже в таком сравнительно молодом возрасте можно было посчитать, сколько раз за службу борец с ересью уже мог погибнуть: из всех на лице особо выделялся тот, который красовался на щеке – он был длинным и глубоким. Даже страшно было подумать, в какой такой схватке побывал его владелец.

В остальном инквизиторы, проводившие в походах большую часть жизни скорее походили на стадо нищих оборванцев, чем по идее уважаемых в народе людей. Этот же от остальных своих братьев по служению отличался удивительной чистоплотностью, что, однако, нередко ещё больше отторгало людей от него. Если любишь мыться – знаешь пытаешься смыть грехи, да не получается, ибо душу в отличие от тела не отмоешь. Потому таких и остерегались.

Подъехал к конюшне. Увидев рядом мальчика, сидящего на сене, улыбнулся ему, затем слез с лошади.

К инквизитору подбежал юный конюх в бедных одеяниях чуть старше мальчишки.

– Приветствую вас, господин. Желаете подковать коня? Вымыть его? Накормить?

– Только вымыть и накормить. Новые подковы не нужны, – отвечал инквизитор, – одна лишь только просьба, – показал на фузею, – даже не вздумай своровать у меня хоть что-то. И чтобы следил как за собственной дочерью. Понял?! – достал из сумки мешочек с монетами, – там двадцать серебряных цельдиев. Конюху хватит, чтобы несколько дней ни в чём себе не отказывать, – кинул ему.

Тот поймал деньги. Удивившись, раскрыл рот и отвечал:

– Если смогу ещё чем-нибудь вам помочь, обращайтесь, – и поклонился.

– Хм... – задумался инквизитор, – помощь бы твоя пригодилась. я ищу нечто странное. То, что обладает силой, но старается этого не показывать, ибо боится меня. Знаешь, где мне найти это нечто?

Конюх испуганно посмотрел на мужиков, потом на инквизитора. Тот также окинул их взглядом. Те же с нескрываемым гневом и презрением продолжали следить за инквизитором, будто старались по выражению лица предсказать его следующий ход, либо же заглянуть в глубины его грешной души и найти там самую грязь. Желая, видимо, не обрушить на себя гнев этих озлобленных простолудинов, в ответ парнишка лишь помотал головой.

Инквизитор прищурился:

– Я заплачу тебе ещё сто цельдиев золотом за эти сведения.

– Мёртвому не нужны будут деньги... – возразил конюх, поначалу выпучив глаза от такой баснословной для простого конюха суммы, но потом осознал, что жизнь дороже. Поклонился и отвечал – если от меня более ничего не требуется, позвольте мне уже выполнять свою работу.

– Конечно, – улыбнувшись, отвечал инквизитор, иногда поглядывая на тех мужиков. Явно их имел в виду конюх, когда говорил про мёртвого, – тогда скажи

хоть, где находится резиденция бургомистра Калавия?

– Вдоль по улице третий поворот налево и до конца. Там увидите церковь, а справа от неё резиденция, – отвечал конюх.

– Благодарю, – инквизитор приподнял край шляпы в знак признательности и направился к бургомистру, перед этим в последний раз окинув взглядом тех подозрительных мужиков. Они не двинулись следом, и это уже было хорошо. Но в воздухе так и остался висеть вопрос: чего они от него хотели и почему так грозно смотрели?

Пока шёл до бургомистра, мельком оглядывал городок, типичный для любой страны, которая сумела преодолеть в себе порядки старины и начать дышать свежим воздухом, лишённом лицемерия и затхлости старой аристократии, которым был тот пропитан во времена, когда магия и волшебство в мире были делом обыденным и не считавшимся преступным.

То было старое время: для кого-то доброе, для кого-то злое. Тогда рыцари совместно с отрядами королевских егерей добивали последних драконов, шли в военные походы на полудикие племена проклятых орков с юга. А там обретали в героических и доблестных сражениях славу и уважение такие, что история этих походов сразу же делала рыцарей живыми легендами. Таким это время осталось лишь в песнях и балладах, рыцарских эпосах. Память народная же запомнила только гниль и лицемерие вокруг. Ведь настоящий герой рыцарского романа, на страницах стихов спасший прекрасную деву из рук проклятых разбойников и убивший проклятого огнедышащего змея, мог в действительности без особых угрызений совести так же просто взять, да изнасиловать дочь смерда, убить ремесленника за то, что тот посмел как-то не так поглядеть в его сторону. Что до доблестных походов на орков, то ослабленные магией безумия, которой отдались их шаманы ради силы, они уже не могли оказывать того яростного сопротивления, которым стали известны во времена трёхсотлетней войны, когда разорили половину материка, вырезав всех до единого жителей захваченных городов. В итоге стали они мелкими, разрозненными кланами, которые не могли даже оказать должного сопротивления, а былая крепость мускулов у суровых, клыкастых тёмно-зелёных берсерков куда-то с годами исчезла. В результате орки в большинстве своём были истреблены без особых проблем. Оставшиеся же или стали рабами людей, которые заставляли орков размножаться в неволе, или навсегда ушли в дремучие и неизведанные южные леса за рекой Теммерин. Так что и тут вся доблесть на деле являлась по большей части лишь авторской

выдумкой. Но как тогда эти насильники и хвастуны могли быть ведущим сословием на материке в то время?

А очень просто. Поддерживать власть на местах сирам, маркизам, баронам и виконтам всех мастей помогали тогда маги, своей силой позволявшие подавлять даже самые крупные восстания смердов, смевших выйти на борьбу с крепостным гнётом. Плюс, хороший маг в бою мог заставить развернуться и целые королевские армии, бывало. Потому каждый дом, желавший править своей вотчиной вечно, всегда имел подле себя хорошего мага, защищавшего его в случае чего от наглого сюзерена.

А потом все помнят, что было дальше. Магам вдруг взбрело в голову уничтожить всех людей, дальше среди них оказался отступник среди магов по имени Ярвинд, подаривший человеку тайну изготовления колец защиты, что давали иммунитет и защиту к любым чарам и заклинаниям и стали основным средством защиты от магии для абсолютно всех инквизиторов, а также раскрывший секрет огненного песка. Так с помощью этих даров, люди сумели одержать над магами и армией карфаллов из числа тех людей, которых они себе подчинили с помощью колдовства. Ну, а потом была создана инквизиция, ставшая последовательно истреблять всех магов.

А вместе с магами исчезли и власть, и авторитет рыцарей, владевших землёй. На этом фоне разбогатели купцы, ремесленники. Конечно, нищавшие феодалы пытались бороться, и начались целые серии войн и восстаний, некоторые из которых не прекратились до сих пор, хотя с тех пор прошла уже добрая тысяча лет. Но в целом ценность земли стала ничтожной. А вот золото в новом мире стало мерилom почти что всего на свете.

Ёльм же был типичным примером городка, быстро разбогатевшего на фоне меняющегося мира. Те бывшие ремесленники и купцы, что ещё тысячу лет назад являлись чем-то большим, нежели кусок грязи на сапоге господ, стали богачами. В таких городках, как Ёльм, отстроили себе большие усадьбы из камня с крышей из дорогой черепицы, в окнах пусть дешёвое стекло вместо дорогой слюды, зато почти ничем не отличалось на вид. Около каждой из усадеб стояло по паре ретивых жеребцов, личные кареты, прислуга и т. д. Конечно, все эти люди не имели столько золота, чтобы есть его по утрам вместо хлеба, но жили в целом вполне достойно. И вместе с их благосостоянием вырос и Ёльм, бывший до этого деревней в три-четыре дома, а теперь в нём проживало почти три тысячи человек. Ну, и конечно, большинство прозябало в бедности и скромности, это да.

Но всяко лучше, чем чистить сапог барину. Селились бедняки в Ульме в деревянных домах и даже бараках по несколько семей в одном. Не сказать, что были во всём счастливы, но и не тужили так уж сильно. Среди них, кстати, можно было найти бывших смердов, обнищавших представителей знатных фамилий, пытавшихся заработать хоть что-то и многие другие, кого изменившаяся жизнь успела потрепать.

Особенно удивляло то, какими счастливыми и улыбчивыми, казалось, были люди вокруг! В любую деревню и городок в округе заскочи, да по сельским дорогам проедь, и народ там выглядит так, будто в аду побывал: везде бродят словно живые мертвецы – кожа, да кости, вокруг тысячи могил, некоторые из которых даже не закопаны, ибо могильщики боятся подходить к трупам с целью захоронения, чтобы не подцепить заразу, а печальные лица взрослых и детей, терявших своих родных и близких почти целыми семьями, говорили даже больше, чем всё вышеперечисленное. Дополняли картину улицы грязные настолько, что утонуть можно в помоях, а кое-где и разлагающиеся трупы, валяющиеся прямо на улице и прикрытые лишь тканью. Но ничего удивительного в этом не было, ведь город из-за эпидемии никто не убирал, ибо тем, кто выжил, было страшно даже на улицу выйти, а мёртвые, как известно, поддерживать чистоту не в состоянии. Здесь же ни одной постной рожи: у всех брюхо отъеденное, улыбки, пусть и кроткие, но есть. Улицы чистые и ухоженные, пусть и было на них немного грязевой жижи, но то ерунда: весна же, всё-таки. Короче говоря, будто в другой мир попал, не иначе. И всё это резко отличалось даже от того, что он видел на подъезде к Ёльму: будто жизнь в город вдохнули сами боги.

Правда, одно инквизитор подметил особенно точно: только ему стоило на кого-нибудь взглянуть, как он тут же становился объектом искреннего презрения и даже с трудом скрываемого гнева окружающих. Простому обывателю это могло показаться странным: понятно, что церковь ненавидели уже все, кому не лень, но хотя бы скрыть это... Убьют же за ересь и неприятие церкви! Впрочем, инквизитор ничего странного не замечал. Наоборот, лишь ухмыльнулся, да прищурил левый глаз, окидывая своим взором жителей Ёльма. Он чувствовал, что его презирают, не только из-за политики церкви – были и другие причины. Например, та, по поводу которой он и приехал в город. Всё-таки простой люд старался своё презрение к церкви скрывать, коли ненавидел. Эти же будто бы ничего не боялись.

Дойдя до резиденции бургомистра Калавия, он увидел около входа двоих наёмников-ландскнехтов с мушкетами. Настоящим чудом было то, как при всех тратах во время поветрия и присущих периоду поветрий несчастий, у бургомистра Калавия хватало денег в казне на оплату охраны, состоящую из вооружённых наёмников. И пускай никого не смущает, что их было всего двое, мол, и силы в них мало, и платить им много не надо. Обычно нанимали десять-пятнадцать солдат, а, значит, другие где-то шастали, патрулируя другие улицы. Плюс брали наёмники достаточно денег, чтобы оставлять и королей без трусов. Так что само их наличие уже поражало инквизитора. Неужели казна у Калавия даже в такие времена не пустует? Как так у него вышло?

Инквизитор подошёл вплотную. Солдаты не шелохнулись, но глядели на него, как на умалишённого. Плата работодателя предусматривала, что они хоть даже против чертей в бой пойдут – никого близко не подпустят ценой своей жизни. Так что какого-то там инквизитора они не особо боялись, учитывая, что не сказать, якобы наёмники были более слабо подготовлены, снаряжены и обучены. В мастерстве фехтования, например, мало какие из ландскнехтов уступали инквизиторам. За это, собственно, и ценились особо, ведь в отличие от егерей, наёмных убийств не стеснялись.

– Меня зовут Реммет из Зельдена. Я служитель ордена Пресвященной инквизиции, – показал кольцо на указательном пальце правой руки с магической печатью – одно из тех самых, созданных, по рецепту Ярвинда, и давших осязаемое преимущество над магами, – мне нужно поговорить с бургомистром Калавием насчёт одного события, произошедшего здесь во время поветрия, о котором до нас дошли слухи. Собственно, поэтому я и здесь. Не позволите ли мне, милейшие судари, пройти к нему?

Наёмник усмехнулся.

– Я сказал что-то смешное?! – напрягся Реммет. Смешки тут же прекратились.

– Вовсе нет, сударь, – отвечал с ухмылкой ландскнехт, – просто, боюсь, вам не удастся поговорить с бургомистром Калавием сейчас, ибо он отсутствует.

– И где же он?

– На Охоте.

– Пошёл охотиться в период, когда в лесу меньше всего дичи? – удивился Реммет, – весной обычно восточные леса были скудны на живность. Да и странно идти туда после поветрия. Надо ведь не развлекаться, а восстанавливать Ёльм.

– Зато комаров нет. Охотиться – одно удовольствие.

Инквизитор усмехнулся от глупости отговорки. Наёмник же своим выражением лица явно выдавал в себе желание как можно скорее прекратить общение с гостем.

– А когда он вернётся?

– Быть может, через месяц. А, быть может, через два.

Реммет прищурился.

– Калавий решил всю дичь в лесу переловить?

– Лучше об этом его спросить.

– Наверно, хочет весь город бесплатно накормить... – инквизитор был в шоке от таких слов ландскнехта.

– Как видите, сударь, мы хорошо едим. Слава церкви и слава богам! – и пошлёпал ладошкой по бурдюку.

– Заметно.

– Ну, раз так заметно, то и спрашивать больше у нас нечего. Помочь ничем не могу. Возвращайтесь, сударь, туда, откуда приехали.

Реммет напрягся, взглянув на второго. Тот нагло схватился за рукоять шпаги, будучи готовым в случае чего сделать резкий выпад и полоснуть инквизитору по горлу. Так инквизитор, увидев это, решил не испытывать судьбу и отступить.

– Хорошо. Тогда передайте, пожалуйста, бургомистру Калавию, что инквизитор Реммет из Зельдена был здесь и просил его помощи.

– Мы обязательно передадим, – кивнул наёмник.

– Ну, тогда приятного вам дня, – поклонился, – И помните, что боги видят всё.

– И вам всего хорошего, – ландскнехты также поклонились, после чего Реммет отступил и тут же быстрым шагом двинулся в ратушу, чтобы там помолиться и отправить письмо в Дарвунд – столицу территорий под названием Патриарший край, которыми единолично правила церковь, и где восседал Отец-понтифик. Он определённо желал пожаловаться на холодный приём его в городе и отказ бургомистра говорить, ибо очевидно, что отговорки наёмников Калавия абсолютно абсурдны: тот точно был не на охоте. Странно, что у этих пустоголовых ландскнехтов не хватило ума сказать, что бургомистр уехал куда-нибудь с визитом или в столицу Тирийского герцогства. И так бы сошло убедительнее. Но охота...

Согласно кодексу в подобных ситуациях инквизиторы должны были селиться в городе или за ним, а потом дожидались последующих распоряжений сверху. На практике селились всегда за ним, ибо боялись больше никогда не проснуться. Часто бывало, что отчаявшиеся жители нередко могли и перейти красную черту, и это притом, что, как правило, за нежелание сотрудничать или попытки убить своего представителя, церковь могла поручить инквизиторам казнить всех, кто идёт с помощью лжи и прочих nepотребств наперекор воле Патриаршего края. Но люди шли на такие отчаянные шаги, ибо часто становились жертвами оговоров, недобросовестной службы инквизиторов и т. д., и это была далеко не редкость. Терпеть произвол надоедало, и они бунтовали. Да и вообще в принципе появление инквизитора в любом городе, как правило, не могло сулить ничего хорошего для тех, кто в нём живёт. Поэтому в воздухе сразу же и нависло высокое напряжение, которое, казалось, можно почувствовать руками при желании. В этот момент трусливый бургомистр выглядывал украдкой из окна своего рабочего кабинета, прикрывшись бардовой занавеской. Надежда у него была только на то, что инквизитор решится не дожидаться, а покинет город. Но судьба-злодейка часто любит подкладывать нам подводные камни под ноги именно в тот момент, когда нам лишь остаётся надеяться на лучшее. В этот раз случай подставил бургомистра.

Наёмники же не особо волновались, хотя должны были: всё-таки им головы рубить будут, если инквизитор действительно был обманут. Правда, этим в сей день несказанно повезло, ведь Реммет попытался открыть двери ратуши, те оказались не просто закрытыми, а по всей видимости заколоченными изнутри.

– Господин инквизитор! – крикнул один из наёмников, – ратуша закрыта! Епископа тоже в городе нет!

– А где он?

Ландскнехты рассмеялись.

– Покинул город прямо в самом начале поветрия! Сбежал, как трусливая шавка, а собираться обратно, видимо, не спешит!

Любой представитель церкви был Реммету, как брат, и это оскорбление в ином контексте вполне могло стать поводом для резни, но доставать палаш инквизитор не стал. Священный долг каждого епископа – быть всегда со своей паствой несмотря ни на что. А если он ратушу покинул, то никем иным, кроме как трусливой шавкой, больше называться не мог.

Вдруг к Реммету подбежал тот самый мальчик, сидевший на сене у стойбища. Весь запыхавшийся, взволнованный, иногда поглядывавший по сторонам, он обратился к инквизитору:

– Милорд, у меня есть для вас информация о кое-чём странном – том самом, что вы ищете. Это обладает внушительной силой, но старается её не показывать, ибо боится вас. Я знаю, где найти это нечто.

– И где же?

– Сначала сто цельдиев, – мальчик протянул руку.

– А вдруг обманешь? – ухмыльнулся Реммет. Шкет улыбнулся.

– Если, обману милорд, вам не составит труда найти меня, тем более, что уже знакомы с моим братом-конюхом.

Реммет, помотав головой, с улыбкой отдал ему мешочек с монетами.

– Смотрите у меня...

Конечно, он пацану не доверял, но ещё хуже, по его мнению, было торчать здесь без дела, ночуя в лесу за пределами города, ибо понятно, что со всей этой народной любовью к инквизиторам никто не обрадуется, если один из них поселится рядом. Даже пастырь, иногда бывает, в ратушу не факт, что пустит, лишь бы не ругаться лишний раз с местными. Плюс к тому, цель наверняка давно бы улизнула, будучи осведомлённой о Реммете и его пребывании в городе. С другой же стороны инквизитору казалось, что это кое-что странное уже давно в курсе пребывания его в Ёльме, но само сбегать почему-то не собирается. Сомнительно, конечно, верить в чувства, но что поделать? Так что иного выхода инквизитор не видел. Пацан же взял кошель с цельдиями, убрал за пазуху, потом приманил к себе Реммета ладонью, желая сказать ему на ухо. Тот приблизил ухо ко рту мальчика, а тот потом прошептал:

– Нечто вы найдёте за рынком. Оно будет в зелёном плаще, лечит людей и стоит прямо на открытом воздухе в месте, расположенном чуть дальше за рынком.

Реммет кивнул в ответ и проводил взглядом мальчишку, так же быстро и неожиданно слинявшего восвояси, как тот и появился подле инквизитора. После, глубоко вздохнув и взглянув на наёмников, он направился на рынок. Те в свою очередь, как церковник исчез из виду мигом зашли в резиденцию бургомистра, видимо, чтобы рассказать ему о произошедшем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/fedorov_andrey/inkvizitor

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)